

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 13. «Утихнет жизни рокот жадный»

Выпуск № 1020

Иван Бунин

Сквозь ветви

Осень листья тёмной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие чёрные дубы,
Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот –
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

1903-1905

Лариса Миллер

Лететь, без усталости скользить
По золотому коридору.
И путеводна в эту пору
Осенней паутины нить,
И путеводен луч скупой,
И путеводен лист летучий,
И так живётся, будто случай
Уже не властен над судьбой.
Принесена с лихвою дань
Страстям, превратностям, порывам.
И если держит терпеливо
Своих детей земная длань,
То, значит, существует час,
В который то должно свершиться,
Что превращает в лики лица
И над судьбой подымлет нас.

1973

Даниил Андреев

Поздний день мой будет тих и сух:
Синева безветренна, чиста;
На полянах сердца – тонкий дух,
Запах милый прелого листа.

Даль сквозь даль яснее, и притин
Успокоился от перемен,
И шелками белых паутин
Мирный прах полей благословен.

Это Вечной Матери покров
Перламутром осенил поля:
Перед бурями иных миров
Отдохни, прекрасная земля!

1933-1950

Выпуск № 346

Иван Бунин

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих
Толпились – как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зелёной чаще –
И вся их чуткая краса,
Весь сонм блаженный и дрожащий
Уж мчался молнией в леса!

1922

Давид Самойлов

Рассчитавшись с жаждою и хламом,
Рассчитавшись с верою и храмом,
Жду тебя, прощальная звезда.

Как когда-то ждал я вдохновенья,
Так теперь я жду отдохновенья
От любви и горького труда.

Но, видать, не спел последний кочет,
И душа ещё чего-то хочет,
Своего никак не отдаёт.
Жаждет с веком и толпою слиться.
Так стремятся птицы в стаю сбиться,
Собираясь в дальний перелёт.

Выпуск № 260

Афанасий Фет

Всё, что волшебю так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы –
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

1892

Александр Блок

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол тёмный
И смерти ждёшь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда ещё ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда – ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так – только замедляет шаг.

1909

Александр Пушкин

Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

Выпуск № 631

Фёдор Сологуб

Стремит таинственная сила
Миры к мирам, к сердцам сердца,
И ты напрасно бы спросила,
Кто разомкнёт обвод кольца.

Любовь и Смерть невинны обе,
И не откроет нам Творец,
Кто прав, кто нет в любви и злобе,
Кому хула, кому венец.

Но всё правдиво в нашем мире,
В нём тайна есть, но нет в нём лжи.
Мы – гости званые на пире
Великодушной госпожи.

Душа, восторгом бесконечным
Живи, верна одной любви,
И, силам предаваясь вечным,
Закон судьбы благослови.

1921

Александр Пушкин

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю;
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлёт судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

Выпуск № 758

Александр Пушкин

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решётки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стеснённые рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешёвого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, –
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мёртвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью тёмною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;

На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрёпанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблюсь и шумя...

1836

Александр Блок

О смерти

(из цикла «Вольные мысли»)

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть – и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придёт она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором – ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шёл и слышал быстрый гон коней
По грунту лёгкому. И быстрый топот
Копыт. Потом – внезапный крик:
«Упал! Упал!» – кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пёстром – к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвою кудрявеньких берёзок,
Так близко от меня – лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо

В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал – с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг – в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли –
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.
Так хорошо и вольно.

Однажды брёл по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была ещё синей от белой пены.
В отстёгнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,

Таскали – то кирпичик, то полено,
То брёвнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери – с отвислыми грудями
Под грязным платьем – ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой весёлой,
Ребятки начинали воровать:
Тот брёвнышко, другой – кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» – опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пёстрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу – лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьём лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошёл своим путём, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду ещё бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой весёлой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днём мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

1907

Выпуск № 856

Лариса Миллер

Среди деревьев белых-белых
Пансионат для престарелых.
Он свежевыбелен и чист,
И валится печальный лист
Под стариковские галоши.
И нету неизбывней ноши,
Чем ноша отшумевших лет.
И нынешний неяркий свет
Для старости подслеповатой.
Прогулка для неё чревата
Простудой. И «Который час?»
Спросил меня в десятый раз
Старик. Не всё ль ему едино
Начало дня иль середина,
Когда свободен от сетей,
И графиков, и всех затей
Мирских, когда уже на стыке
Времени и вечности, где лики
Всегда незримые для нас,
Должно быть, различает глаз.
И что там крохотная стрелка?
Она бесшумно, как сиделка,

Хлопочет до скончанья дня,
По циферблату семени.
До самого времён скончанья,
И ближе с вечностью венчанье.
И память ходит по пятам.
А я ещё покуда там,
А я ещё покуда с теми
И там, где жестко правит время,
Настырно в темечко клюёт,
И задержаться не даёт.
И миги, яркие, как вспышки,
Слепят и жгут без передышки.
И тесен мне любой насест.
Охота к перемене мест
Ещё покуда мной владеет.
И кто-то обо мне радуется,
Из ярких листьев тропку вьёт
И яркий свет на землю льёт.
Дорога или бездорожье,
Но лист горит, как искра Божья,
Преображая всё кругом,
Убогих и казённый дом.

1979

Анна Ахматова

И всюду клевета сопутствовала мне.
Её ползучий шаг я слышала во сне
И в мёртвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески её горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь её. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я, —
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема тогда она войдёт,
В моей крови её неутолённый рот
Считать не устаёт небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.

Не видно месяца над нами,
В сугробах вязнут костыли,
И души белыми глазами
Глядят вослед по верх земли.

Ты помнишь ли, скажи, старуха,
Как проходили мы с тобой
Под этой каменной стеной
Зимой студёной, в час ночной,
Давным-давно, и так же глухо,
Вполголоса и в четверть слуха,
Гудело эхо за спиной?

1958

Лариса Патракова

Начало и конец – вот всё, что имеет значение...
Остальное, как сладим... Но жизнь – отношение к смерти.
Сколько можешь – плывёшь в этом мутном, разбавленном времени,
Налетев на вопрос, на который никто не ответит...

Этот миг – это всё? И за этим всё было затеяно?
Уходить?! Но куда? И оглянешься в поисках места,
Где дыханием жизни бескрайнее поле засеяно,
Где душе среди звёзд, как за отчим застольем, - не тесно...

Как мне, Господи, трудно с собой, – не поверишь, наверное:
Выходить на Твой голос и вязнуть в себе до колена...
Славлю жизнь! Только Ты помоги до конца мне уверовать:
Добывая свободу – бежать из постыдного плена.

Выпуск № 263

Владислав Ходасевич

Сердце

Забвеньё – сознание – забвеньё...
А сердце, кровавый скупец,
Всё копит земные мгновенья
В огромный свинцовый ларец.

В ночи ли проснусь я, усталый,
На жарком одре бредовом –
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

А если глухое биенье
Замедлит порою слегка –
Отчетливей слышно паденье
Червонца на дно сундука.

И много тяжелых цехинов,
И много поддельных гиней
Толпа теневых исполинов
Разграбит в час смерти моей.

Михаил Лермонтов

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придёт ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишённый сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

1838

Фёдор Тютчев

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает –

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днём уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле –
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!

Выпуск № 488

Марина Цветаева

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову – мою.

1936

Лариса Миллер

Ещё немного всё сместится –
Правее луч, южнее птица,
И станет явственнее крен,
И книга поползёт с колен.
Сместится взгляд, сместятся строчки,

И всё сойдёт с привычной точки,
И окажусь я под углом
К тому, что есть мой путь и дом,
К тому, что есть судьба и веха.
Как между голосом и эхом,
Так между мною и судьбой
Возникнет воздух голубой,
Мгновенье тихое, зиянье,
Пугающее расстоянье.
И тех, с кем жизнь текла сия,
Едва коснётся тень моя.

1977

Анна Ахматова

Почти в альбом

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твёрдо-алой,
А сердце будет как тогда – в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас ещё оставив тень.

Выпуск № 25

Фёдор Сологуб

Прошедшие оставили следы,
Но где же верный след и где случайный?
Мир, отраженный в зеркале воды,
Непостижимый Китеж, город тайный,

К тебе откроется внезапный путь,
Когда душа в отчаяньи, во мраке,
И уж её не могут обмануть
Развенчанных надежд немые знаки.

И для меня настанет милый день,
И я, в отчаяньи последнем,
Переступив последнюю ступень,
Оставлю мир его случайным бредням.

1922

Владимир Набоков

Смерть

Утихнет жизни рокот жадный,
и станет музыкою тишь,
гость босоногий, гость прохладный,
ты и за мною прилетишь.

И душу из земного мрака
поднимешь, как письмо, на свет,
ища в ней водяного знака
сквозь тени суетные лет.

И просияет то, что сонно
в себе я чую и таю,
знак нестираемый, исконный,
узор, придуманный в раю.

О, смерть моя! С землёй уснувшей
разлука плавная светла:
полёт страницы, соскользнувшей
при дуновенье со стола.

1924

Выпуск № 1083

Николай Рерих

Оставил

Я приготовился выйти в дорогу.
Всё, что было моим, я оставил.
Вы это возьмёте, друзья.
Сейчас в последний раз обойду

дом мой. Ещё один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну ещё один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто моё не осталось.
Вещи и всё, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобождённым,
я обращусь. Теперь ещё раз
я по дому пройду. Осмотрю ещё раз
всё то, от чего освобождён я.
Свободен и волен и помышлением
твёрд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, ещё один раз
последний я обойду всё, что
оставил.

1918

Даниил Андреев

из цикла «Устье жизни»

Так лучистая Звезда Скитаний,
Моя лазурная Вега
Остановится над куполом дома
И молодыми соснами,
Дружелюбным лучом указуя
Место упокоения.

Как подробно, до боли вижу
Убранство флигелей и комнат,
Лужайки для игр,
Пляж и балконы,
А за лукою реки – колокольни
Далёкого города и монастыря!

Быть может, об этом надо молчать,
Даже и щели не приоткрывая

В круг состоявшегося мечтанья
Никому?
Но если молчать об этом –
Что же делать с другим,
В самом деле недоверяемом
Ни стиху, ни исповеди, ни другу,
Разве только земле?

Впрочем, всё тайное
Станет явным,
Когда пробьёт срок.
Только рано ещё,
Ах, как рано...

Ты, Звезда Скитаний,
Знающая моё сердце!
Путеводный светоч
Неисповедимой жизни!
Голубая девочка,
Смеющаяся в небе!

Ты сама знаешь, где остановиться,
И когда.

1950

Выпуск № 354

Анна Ахматова

Моей сестре

Подошла я к сосновому лесу.
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.

Поглядел на меня прозорливец,
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.

Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хворая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».

Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моём несказанном весельи,
И дивясь, и радуясь много.

1914

Давид Самойлов

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадёжный и нагой.
Вся наша жизнь – самосожженье,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...

Марина Цветаева

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

1920

Выпуск № 276

Осип Мандельштам

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Ещё обиду тянет с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться
И я один на всех путях.

Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот.

1932

Николай Заболоцкий

Старая сказка

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.
Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.
Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.
Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

1952

Анна Ахматова

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других, —
Когда уже совсем неинтересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.
Но вот сейчас, сейчас
Всё кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Ещё старается быть остроумным
Или язвит — прости его Господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Таковую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведённый
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зелёной, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то лёгкий звук,
Причём одни его считают плачем,
Другие разбирают в нём слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

1943

Выпуск № 91

Лариса Миллер

И всё же уговор жестокий —
— Не оглянуться на истоки,

На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,
На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Во след глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам,
И не простившись даже взором?

1971

Александр Блок

Последнее напутствие

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждёшь – она вошла.
Вот она – с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно лёгких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это – лёгкий образ рая,
Это – милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Лёгкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... ещё леса, поляны,
И просёлки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдёт всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведёт рукой любимой
В Елисейские поля.

1914